

Положение Чжан Шуая стало совсем отчаянным.

В третьей роте его и раньше недолюбливали, а теперь и вовсе презирали — смотрели волком, разве что в лицо не плевали. Шэн Синъюань с Хань Жуем и рады бы заступиться за товарища, да только сами без году неделя как в части. Зелёным новобранцам дай бог свою шкуру уберечь, куда уж им выгораживать недотёпу, который умудрился накосячить так, что едва не отправил командира роты на тот свет.

— А если попробовать через твоего дядю?.. — осторожно прощупал почву Шэн Синъюань.

Хань Жуй смерил его холодным взглядом:

— Идти к нему из-за этого? Ты сам-то подумай: кто для него важнее — ротный или безнадёжный раздолбай, который двух слов связать не может?

— Да знаю я... — вздохнул Синъюань. — Так, к слову пришлось.

— Я-то считал тебя сообразительным, — недовольно буркнул Хань Жуй. — А ты, оказывается, совсем границ не видишь.

Синъюань промолчал, лишь дружески похлопал Хань Жуя по плечу:

— Ладно тебе, не сердись. Я меньше всего хочу втягивать тебя в неприятности.

Хань Жуй продолжал хмуриться, но уже без прежней злости.

— Ну правда, мы ведь с Чжан Шуаем в одном отделении лямку тянули, — примирительно добавил Синъюань. — Если совсем умыть руки, совесть замучает. Но просить тебя о том, что пойдёт тебе во вред, я никогда не стану.

Он помедлил и негромко закончил:

— Кому сопереживать, а кого беречь — это я прекрасно понимаю.

Эти слова подействовали на Хань Жуя как бальзам на душу. Парень он был скрытный и гордый, а потому лишь едва заметно дёрнул уголком губ, пряча довольную усмешку.

Шэн Синъюань улыбнулся в ответ, и они закрыли тему.

В день выписки командира роты У Тао командир полка Ван Цзыюн лично приехал в расположение части.

Едва выбравшись из машины, ротный, ещё бледный и осунувшийся после госпиталя, первым же делом гаркнул:

— Ну?! Убрался этот вредитель из роты или нет?

Командир полка только вздохнул — никакого сладу не было с этим упрямым воякой.

— Перевод — дело решённое, — попытался осадить его Ван Цзыюн. — Но бумаги-то оформить надо, всё по закону должно быть.

У Тао круто развернулся обратно к уазику и зло выкрикнул:

— Тогда я назад в госпиталь! Пока этот ходячий яд вещи не соберёт, ноги моей в казарме не будет!

Терпение командира полка лопнуло.

— Паршивец! — рявкнул Ван Цзыюн. — А ну стоять!

У Тао замер на месте с каменным лицом, всем своим видом демонстрируя крайнее упрямство.

— Ладно, чёрт с тобой. Прямо сейчас его переведут, доволен? — сдался Ван Цзыюн. Против упрямства бойца, которого сам же когда-то взрастил, у командира полка аргументов не нашлось.

Командир роты остался стоять молчаливым истуканом.

Ван Цзыюн подозвал к себе политического инструктора Ли и негромко приказал:

— Оформляй перевод. Пусть этот боец собирает манатки и катится отсюда подобру-поздорову.

— Но куда его девать-то, товарищ полковник? — растерялся инструктор. — В какой взвод?

— В отделение животноводства! На свинарник его!

— Так там штаты забиты под завязку, свободных мест нет! — у инструктора голова шла кругом.

— Сделай рокировку! — грозно зыркнул на него Ван Цзыюн, явно раздосадованный непонятливостью подчинённого. — Забери оттуда толкового парня к нам в роту, а этого недотёпу — к хрюшкам! Действуй!

С тяжёлым сердцем инструктор взял под козырёк и пошёл выполнять распоряжение.

Когда Чжан Шуай вышел из казармы с заплечным мешком, во дворе собралась едва ли не вся рота. Но это не были тёплые проводы боевого товарища — сослуживцы ликовали так, словно избавлялись от чумы.

«Скатертью дорога! Катись и не возвращайся!»

Повесив голову от жгучего стыда, Чжан Шуай пошёл через плац к воротам.

Шэн Синьюань стоял в толпе, глядя на парня, с которым они плечом к плечу провели три месяца учебки. Да, Чжан Шуай порой доводил всех до белого каления своей непроходимой глупостью. Но Синьюань понимал: во многом виной тому были его характер и прошлое. Простой деревенский парень, не видевший в жизни ничего, кроме родного захолустья, попал в суровый, незнакомый армейский мир. Ему было кратно тяжелее приспособиться к жесткой дисциплине, чем городским.

И всё же жалость жалостью, а оправданием для смертельно опасной халатности это служить не могло.

Шэн Синьюань невольно подался вперёд — ему отчаянно хотелось по-человечески попрощаться с товарищем. Но Хань Жуй мёртвой хваткой вцепился ему в рукав. Синьюань удивлённо обернулся, немо вопрошая: «Ты чего?»

— Спятил? — одними губами процедил Хань Жуй и едва заметно кивнул в сторону КПП. Там, словно изваяния, застыли командир полка и разъярённый ротный. Лезть к опальному бойцу на глазах у начальства было чистой воды безумием.

— Да при чём тут это... — так же тихо ответил Синьюань. В его глазах не было рисовки, лишь искренняя горечь. Он действительно считал Чжан Шуая названным братом, о котором просто не сумел как следует позаботиться.

— Не важно, что у тебя на уме. Стой смирно и не рыпайся! — отрезал Хань Жуй, впери в него предостерегающий взгляд.

Синьюань нехотя вернулся в строй. Сердце щемило от чувства вины перед уходящим другом.

— Навестим его позже, когда всё уляжется, — шепнул ему на ухо Хань Жуй. — Нечего сейчас лезть на рожон.

Синъюань прикинул расклад и благодарно кивнул другу.

Так Чжан Шуай лишился службы в разведывательной роте. Без выговора в личное дело не обошлось, но худшее ждало его впереди: где-то через месяц, глухой безлунной ночью, его жестоко побили бывшие сослуживцы.

— Господи, да за что тебя так разукрасили?! Кто это сделал? — ахнул Шэн Синъюань.

Они с Хань Жуюем выкроили свободный час, чтобы навестить товарища в отделении животноводства, но стоило им задрать на Чжан Шуае форменную куртку, как оба так и застыли на месте. Живот и спина парня были покрыты огромными, наливающимися багровой синевой кровоподтёками. Били знающе, не жалея сил.

Чжан Шуай торопливо одёрнул подол куртки и смущённо улыбнулся:

— Да пустое, само заживёт.

— Ребята из роты подкараулили? — приглушённо спросил Синъюань, сжимая кулаки.

Тот лишь покачал головой:

— Не знаю я.

— И даже никаких догадок? — нахмурился Хань Жуй.

— Да темно было, — попытался отмахнуться Чжан Шуай. — Накинули куртку на голову в темноте, да и навешали пинков.

— «Навешали пинков»?! — вскипел Синъюань. — Ты же сам солдат, знаешь, как у нас бить умеют! Кости бы переломать могли! Почему рапорт не подал дежурному?

— Кому жаловаться-то... — Чжан Шуай понуро опустил взгляд и тихо выдавил: — Если это наши... то и поделом мне. Из-за моей дурости ротный чуть богу душу не отдал. Пускай хоть так злость сорвут, мне же легче будет.

— Ну и дурак же ты, — Хань Жуй с досадой плюхнулся на деревянную скамью у загона.

Как ни раздражал его порой Чжан Шуай своим скудоумием, всё-таки три месяца они спали на

соседних койках. Видеть, как калечат их бывшего однополчанина, было тошно, а бессилие только злило.

— Ладно вам, проехали, — Чжан Шуай неловко почесал затылок. — Честно сказать, мне здесь даже больше нравится, чем в роте.

— На свинарнике-то? — изумился Хань Жуй. — С ума сойти, предел мечтаний.

— Зато... со свиньями проще, они не осудят, — бесхитростно улыбнулся Чжан Шуай. — Корми их вовремя да чисти, и никто на тебя волком не смотрит. Накосячить тут сложно.

— Эх, ты... — у Шэн Синъюаня сердце сжалось от жалости и досады. — Неужели ты шёл на службу ради того, чтобы три года за свиньями навоз выгребать?

Чжан Шуай притих. Спустя долгую паузу он вымученно улыбнулся:

— Ну, если научусь как надо... Вернусь в деревню после дембеля, ферму свою открою. Тоже ведь дело.

— Нашёл ремесло, — хмыкнул Хань Жуй, хотя в его голосе уже не было прежней колкости.

— Да ладно тебе, Хань-е, — смутился парень. — Тоже наука...

Синъюань мягко приобнял его за плечи и увлёк за собой на скамью:

— Расскажи лучше, как тут вообще обстановка? Местные старослужащие не зажимают?

Чжан Шуай замотал головой:

— Нет-нет, тут всё спокойно. Командир отделения у нас мужик мировой, не обижает.

Он врал сквозь зубы — это понимали и Синъюань, и Хань Жуй. Относились к нему старослужащие хорошо, они бы не допустили, чтобы прямо у них под носом парня метелили за старые грехи. Но допытываться было бессмысленно. Синъюань лишь тяжело вздохнул:

— Ладно тебе лапшу-то на уши вешать...

Чжан Шуай послушно заулыбался, сглатывая подступивший к горлу горький ком. На самом деле в отделении животноводства к нему относились терпимее, чем в разведывательной роте, но «терпимость» эта сводилась к полному, ледяному равнодушию. С ним просто не разговаривали, обходя стороной как пустое место. И для общительного по натуре парня этот

бойкот был куда страшнее любых затрещин. Местный командир отделения сразу обозначил границы: «Пока скотина сыта и здорова — ко мне не лезь, делай что хочешь».

В Триста втором полку, части постоянной боевой готовности, подсобное хозяйство держали скорее для галочки — дань армейским традициям самообеспечения да подстраховка на случай внезапных проверок тыловиков. Отделение животноводства существовало само по себе: тихо копошилось на задворках гарнизона, не привлекая лишнего внимания штабных, пока там не случалось никаких ЧП.

Так Чжан Шуай оказался в фактической ссылке, обречённый на долгое унылое одиночество. Он смирился с мыслью, что все три года службы проведёт среди корыт и навозных куч, не подозревая, какие крутые виражи ещё приготовила ему судьба. Но до тех событий было ещё далеко.

А пока трое вчерашних новобранцев сидели на заборе свинарника, безучастно глядя на лениво похрюкивающих кабанчиков. Шэн Синъюань и Хань Жуй искренне сопереживали товарищу, но помочь ничем не могли. Даже задействуй Хань Жуй все рычаги своего высокопоставленного дяди, Чжан Шуая с его волчьим билетом никто бы не взял. Клеймо «катастрофы ходячей» намертво прилипло к парню. В штабе полка на нём давно поставили крест, списав в безнадёжные неудачники.

— Если совсем прижмёт — сразу дай знать, — тихо вздохнул Шэн Синъюань. — Прибежим.

— Понял. Спасибо, товарищ командир отделения, — шмыгнул носом Чжан Шуай.

Синъюань ласково щелкнул его по лбу:

— Какой я тебе командир отделения? Наша учебка давно кончилась. Зови просто Братом Синъюанем. Или просто — Брат.

— Брат! — расплылся в улыбке Чжан Шуай.

Хань Жуй недовольно поморщился и демонстративно отвернулся, издав короткий смешок.

Синъюань легонько подтолкнул Чжан Шуая локтем в бок и заговорщически подмигнул, указывая глазами на насупившегося друга.

До того наконец дошло. Он повернулся к Хань Жую и во весь рот заулыбался:

— Брат Жуй!

— Много чести, — отрезал Хань Жуй. Он резко поднялся, отряхнул брюки и зашагал прочь от

загонов.

Синъюань лишь покачал головой — опять этот гордец характер показывает. Он ободряюще улыбнулся растерявшемуся Чжан Шуаю:

— Не бери в голову. Он просто не привык, когда его старшим зовут, вот и смущается.

Чжан Шуай озадаченно почесал макушку, и тут на его лице отразился мучительный мыслительный процесс.

— погоди, Брат Синъюань... Я же вспомнил! Я ведь старше Хань Жуя на два месяца. Получается, это он мне младший брат!

Синъюань уставился на него со смесью ужаса и благоговения. Картинка того, как Чжан Шуай бежит по плацу за Хань Жуем с криками «Младший братишка!», возникла перед глазами во всей красе. По спине Синъюаня пробежал ощутимый холодок.

Да уж, шуточки у парня...

Визит вежливости прошёл сносно, и жизнь Шэн Синъюаня с Хань Жуем потекла своим чередом, постепенно входя в привычное русло.

Самым неожиданным сюрпризом рокировки стало то, что «счастливчиком», которого забрали из отделения животноводства в роту вместо Чжан Шуая, оказался их старый приятель по учебке — Лянь Чжиги! Правда, определили его не в боевой взвод, а прямиком в кухонное отделение.

Теперь на полковой кухне заправляли сразу двое их хороших знакомых. Синъюань поймал себя на мысли, что они с Хань Жуем умудрились пустить корни по всему гарнизону. Поскольку учебку они покинули досрочно, новостей о судьбе остальных ребят не было. Лишь от Лянь Чжиги они узнали, что пронырливому Юй Вэю крупно повезло — его пристроили штабным ординарцем в административное отделение.

А громилу Ян Сяоху забрали куда-то в штаб дивизии. Точного места никто не знал, но раз все служили в одном округе, рано или поздно их пути должны были пересечься. Осознание этого принесло Синъюаню долгожданное облегчение — все были при деле, жизнь налаживалась.

С отбытием Чжан Шуая здоровье и душевное равновесие ротного У Тао пошли на поправку семимильными шагами. В гарнизоне как раз начался весенний период интенсивной боевой подготовки, и «Железная третья рота» пахала от зари до зари. Командиры и бойцы, подстёгиваемые суровым ротным, выжимали из себя последние соки на тактическом поле.

Третья рота гремела на весь полк как лучшая разведывательная рота. И не в последнюю очередь благодаря хищной хватке У Тао: этот железный мужик без зазрения совести переманивал к себе любые перспективные кадры, после чего устраивал им такую полосу препятствий, что выдерживали лишь единицы.

Поначалу Синъюань никак не мог определиться со своей воинской специальностью. Но после первых же комплексных стрельб на него обратил внимание помощник командира отделения Лу Ливэнь.

— Снайперское дело освоить не хочешь? — с улыбкой спросил Лу Ливэнь во время короткого перекура.

— Снайпером? — удивился Синъюань. Общую теорию он, конечно, знал, но примерить на себя роль грозного одиночки из армейских легенд даже не помышлял. — Я?

— Именно, — подтвердил Лу Ливэнь. — Будет желание — лично тобой займусь.

— А почему я? — прямо спросил Синъюань.

Лу Ливэнь считался одним из лучших стрелков полка. Сравниться с ним по точности мог разве что командир третьего отделения Гу Фэй. Рекомендация мастера дорогого стоила, но Синъюань всё ещё сомневался, не видя в себе никаких задатков великого стрелка.

— Нервы у тебя железные, — прищурился Лу Ливэнь. — Спокойный ты.

Твёрдость духа рождает твёрдость руки. Технику выстрела и баллистику можно зазубрить, а вот хладнокровие — дар врождённый. Настоящая охота требует адского, почти звериного терпения: лежать неподвижно в грязи или снегу сутками напролёт способен далеко не каждый. Наблюдая за Синъюанем на полигоне, Лу Ливэнь пришёл к выводу, что этот парень скроен из правильного теста.

— Спасибо за доверие, — вежливо улыбнулся Синъюань.

— Значит, договорились?

— Попробую.

Лу Ливэнь недовольно покачал головой:

— Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом! Уверенность в себе для снайпера — половина успеха. Раз сомневаешься — иди думай. Нам колеблющиеся в прицеле не нужны.

— Виноват, — смутился Синъюань.

Лу Ливэнь лишь многозначительно усмехнулся, поднялся со снарядного ящика и зашагал к курилке.

— О чём тёрли? — спросил подошедший Хань Жуй, проводив взглядом сержанта.

— Помощник командира отделения предлагает взять меня в ученики. Хочет сделать из меня снайпера.

— Снайпером? — Хань Жуй удивлённо приподнял бровь. — Отличный шанс.

— Думаешь?

— А сам как думаешь? — Хань Жуй мотнул головой в сторону отдыхающих на траве парней. — Да любой в роте за такую возможность зубами бы вцепился. А ты ещё размышляешь.

Синъюань лишь криво усмехнулся. Честно говоря, он не строил великих планов на эти три года — думал просто отслужить положенное без лишнего шума и вернуться на гражданку. Но подобная инертность в третьей роте приравнивалась к дезертирству. Разведывательная рота дышала азартом, вечным соперничеством и бешеной жаждой победы. Здесь либо ты стремишься стать лучшим, либо тебя затаптывали.

— Эй! Соберись ты наконец! — в голосе Хань Жуя прорезались сердитые нотки. — Неужели тебе хочется через три года уйти на дембель абсолютным нулём? С пустыми погонами и без единого достижения?

«Да какая разница... — тоскливо подумал Синъюань. — Хоть с медалями, хоть без, финал-то один — ворота КПП»

— О контракте вообще не думаешь? Или в военное училище поступить? — продолжал наступать Хань Жуй.

— Я... — Синъюань осёкся.

«Не хочу я связывать жизнь с армией»

Встретившись с горящим, полным надежды взглядом Хань Жуя, он так и не смог выдавить это признание.

— Чего ты мнёшься как девица? — нахмурился Хань Жуй. — О будущем своём подумай хоть

раз!

«Будущее...»

Синъюань чувствовал себя совершенно безоружным. Какая разница, совершит он подвиг или нет, если исход предрешён? И почему, чёрт возьми, Хань Жую так важно распланировать его жизнь на годы вперёд?

<http://bllate.org/book/18240/1765401>